

В.В. Есипов

Вологда

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ВАЛЕРИЙ ЕСИПОВ: О БИОГРАФИИ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ (окончание)

Продолжение разговора с В.В. Есиповым, автором многочисленных статей, книг, в том числе «Варлам Шаламов и его современники» (2007), «Шаламов» в серии «Жизнь замечательных людей» (2012, 2019), «О Шаламове и не только: статьи и исследования» (2020), составителем шаламовского двухтомника «Стихотворения и поэмы» (2020). Речь идет о жизненном и творческом пути исследователя, вологодской культуре, диссертационном исследовании, новейшем шведском издании сборника «Книга, обманувшая мир» и исследованиях дня сегодняшнего.

В. Есипов, В. Шаламов, Вологда, А. Солженицын, «Книга, обманувшая мир».

Л. Е. Для меня прояснились многие моменты Вашего исследовательского выбора. Хотелось бы спросить еще о Вашей диссертации. Будучи междисциплинарной, она воспринимается комплексно. Почему Вы выбрали специальность «Культурология»? Расскажите о подходах. И если что-то оказалось не проговоренным в тот раз, может быть, вернемся – расставим точки?

В. Е. По большому счету меня всегда глубже всего интересовали нравственные и идейные искания, а также и вечные «шатания» русской интеллигенции. Эти вопросы рассматриваются разными науками – и историей, и литературоведением, и социальной психологией, и культурологией. Я предпочитаю междисциплинарный подход с опорой все же на культурологию, именно – на историю русской культуры и ее особенности, сформировавшиеся веками. К этому мы, надеюсь, вернемся, а пока немного, так сказать, эмпирического материала.

Известны суровые слова Чехова: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр... Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало» [8].

Инвективы Чехова в адрес современной ему интеллигенции, может быть, не во всем справедливы, но прослойка «лицемерных» и «истеричных», становящихся потом, в результате некоей гибкой эволюции, притеснителями, существовала, очевидно, всегда. И сегодня, как мы знаем и видим, тоже существует (особенно велика она, мне кажется, в столицах, что ярко видно, кроме прочего, в бесконечных амбициозных и бессодержательных дискуссиях в социальных сетях). В провинции же все люди на виду, и явного лицемерия и праздношатайства не так много (исключая молодежь).

Чехов верил в теорию «малых» практических дел, и я тоже ее исповедую и стараюсь придерживаться.

По крайней мере, внешняя, т.е. видимая, публичная часть моей биографии всегда была связана с т.н. культуртрегерством или проще – с продвижением культуры и ее ценностей в окружающую жизнь.

Л. Е. В этом отношении мне нравится статья «Валерий Есипов и его книги», написанная Людмилой Якушевой. Она начинается с размышлений: «Журналист в провинции – это всегда больше, чем профессия. Это своего рода *крест* (ноша, ответственность, странничество), *судьба* (приговоренность к месту в провинции ощутимее, попытки выйти за пределы провинциальности настойчивее), *миссия* (последствия выбора здесь необратимы, перфекционизм – демонстративнее)» [10, с. 23]. Направления Вашей деятельности разнообразны: цитируемый по всему миру шаламовед, писатель, критик, культуролог, культуртрегер, архивист, краевед, редактор, режиссер, сценарист...

В. Е. Во время работы на ТВ в 1990–2000-е годы я занимался в основном культурной тематикой, и это, естественно, очень помогло в понимании механизмов развития, точнее – саморазвития культуры. Мне посчастливилось общаться со многими представителями вологодской (и не только вологодской) творческой интеллигенции. Могу сказать, что все они были величайшими тружениками. Каждый делал свое «малое», скромное, но на самом деле огромное и благородное дело: легендарные музыкальные педагоги И.П. Смирнов, Т.Д. Томашевская (первая учительница Валерия Гаврилина), А.Г. Яранцева, М.П. Недзельская, актеры В.В. Сафонов, А.В. Семенов, М.В. Щуко, Т.И. Елисеева, С.И. Трубина, А.И. Межов, И.М. Джапакова, В.Э. Бурбо, балетмейстеры С.Г. Ивойлова, В.В. Постников, О.А. Денежкина, хормейстер В.М. Сергеев, дирижер В.Л. Кочнев, незабвенный директор Дворца культуры железнодорожников М.Д. Ципкус, филармонические артисты Г.И. Соболев, Т.В. Плисс, Е.Н. Распутько, реставраторы Н.И. Федышин, А.А. Рыбаков, С.П. Белов, С.Б. Веселов, художники Д.Т. Тутунджан, Г.А. Асафов, В.Н. Корбаков, С.А. Теленков (инвалид войны), Ю.А. Воронов, М.В. Копьев, В.П. Кордюков, Наталья и Сергей Лав-

рентьевы – всех не перечислить, и я рад, что мне удалось запечатлеть на кино- и видеопленку их самих и их творчество. В сущности, работая на ТВ, я старался показать зрителям все самое талантливое, что было в Вологде и области, включая молодежь – и уникальный фолк-ансамбль «Вот и мы» Виктории Андреевой, и шоу-балет «Каприз» Натальи Петровой-Рудой, и молодых джазовых музыкантов, воспитанных Сергеем Кузнецовым, и первые спектакли камерного драматического театра Якова Рубина.

Неоценимую роль в подпитке Вологды высокой культурой играли фестивали «Голоса истории» и приезды многих выдающихся артистов, музыкантов и поэтов. Мне выпало счастье брать интервью у многих из них, и это давало огромный заряд, надеюсь, не только мне, но и телезрителям – встречи с М. Ульяновым, Н. Гундаревой и М. Розовским, с В. Спиваковым, А. Петровым, А. Баяновой и В. Долиной, театральными критиками А. Свободным и В. Калишем, поэтами О. Чухонцевым и А. Кушнером...

Где-то на пленках должны остаться и конфликтные ситуации, запечатленные мной: например, смелое выступление артистов ТЮЗа во главе с Борисом Гранатовым против чиновников, усмотревших в репертуаре театра «непатриотическую» тенденцию. В ответ на эти нападки они однажды исполнили со сцены знаменитую «песню протеста» из замечательного мюзикла «Тринадцатая звезда» (по Э. Сетон-Томпсону) с Павлом Полушкиным в главной роли. Это было очень эффектно, и сразу прекратило нападки на театр. А потом ТЮЗ поставил свою знаменитую «Поминальную молитву», которая вернула и закрепила репутацию Вологды как истинно интеллигентного, культурного города. Ее поддерживал своими спектаклями в драмтеатре Зураб Нанобашвили, поставивший и «Дневник Анны Франк», и множество других ярких и актуальных вещей.

Не секрет, что в Вологде всегда (еще во времена юности Шаламова, и он об этом писал) был достаточно силен и влиятелен слой консервативной культуры. В новое время, начиная с 1960-х годов, он был связан в основном с деятельностью писательской организации, некоторые члены которой страдали не только пресловутым прямолинейным «гиперморализмом», но и, как ни странно, культивировали почти не скрываемый антисемитизм (что было неприемлемым для того же А. Яшина, стоявшего у истоков создания писательской организации). Поскольку культура, по моим представлениям, несовместима с какой-либо ксенофобией, мне пришлось немало поконфликтовать с отдельными вологодскими писателями, в результате чего я был зачислен ими едва ли не во «враги отечества». Эта полемика велась мною и на ТВ, и в печатной прессе, и надеюсь, что когда-нибудь она еще вспомнится, хотя бы для истории. Почему я и жалею об утраченных кадрах и о неразобранном архиве ВГТРК: в программах, сюжетах и фильмах запечатлена *живая история* вологодской культуры, может быть, самого яркого и неповторимого ее периода. Никакими брошюрами и статьями его, увы, не восстановишь.

Л. Е. Может, архив Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании все же разберут – что-то найдут?

В. Е. Время, увы, изменилось, и отношение к культуре – тоже. Ушли те по-настоящему интеллигентные люди в администрации области, которые считали поддержку культуры делом своей чести. Пришли прагматики, мало сведущие в традициях, в истории города. Много говорят о развитии въездного туризма в Вологду, о создании «брендов», но из-за слабого личного культурного багажа (скажем так) чиновников и бизнесменов дело ограничивается какими-то сомнительными арт-объектами вроде писающей собачки у Красного моста или железной буквы «О» на Соборной горке.

Меня больше всего удручает, что в Вологде до сих пор никак не увековечено имя выдающегося русского философа Н.А. Бердяева, пробывшего здесь в ссылке почти два года и запечатлевшего свои воспоминания в книге «Самопознание», впервые изданной в Париже в 1949 г. Бердяева знают во всем мире, но меньше всего, увы, в Вологде. В свое время, в 2009 г., когда я работал в музее «Вологодская ссылка», меня пригласили в администрацию города на совещание по туризму. Я говорил там о необходимости установки мемориальной доски на бывшей гостинице «Золотой якорь», где полтора года прожил Бердяев. Привел и яркое воспоминание Бердяева: «Однажды в Вологде я побил палкой чиновника губернского правления за то, что он посмел приставать на улице к знакомой мне барышне» [1]. Предложил сделать на гостинице нечто вроде барельефа на эту тему. Все присутствовавшие (включая тогдашнего мэра Е.Б. Шулепова) почему-то сочли мое предложение шуткой, хотя я не шутил: чем это не оригинальный «бренд», воссоздающий целую забытую эпоху? Почти как кирпич, упавший на ногу Ивана Грозного... Может быть, администраторы побоялись за образ чиновника, которого бьют палкой?

Потом я писал на тему увековечения памяти Бердяева в газету «Красный Север». Реакции – ноль. Сейчас хожу часто мимо «Золотого якоря» и вижу здесь, на углу, вывеску «Центральная кофейня» – она располагается как раз в тех комнатах, где жил Бердяев. «Центральная кофейня» – это больше похоже на «Центральную котельную»... Не лучше ли назвать «Бердяевская кофейня» и сделать соответствующий интерьер со старыми фотографиями философа и его друзей-ссылных? И проводить здесь хоть иногда философские дискуссии с приглашением столичных интеллектуалов? А мемориальная доска (с барельефом или без – пусть решат вологжане), в любом случае, нужна. Но сначала надо все же отремонтировать фасад здания, ибо устанавливать доску на облупившиеся стены все-таки неприлично...

Л. Е. Фасад, где-то читала, намечают ремонтировать. Расскажите, пожалуйста, о работе в музее «Вологодская ссылка». Мне говорили, Вы даже спектакли устраивали.

В. Е. Этот музей – его еще называют «сталинский домик», потому что в нем жил, снимал комнату зимой 1911–1912 г. ссыльный Сталин (тогда еще Джугашвили) – считаю важным этапом жизни, хотя он был коротким, меньше двух лет. Попал я туда почти случайно: мне уже порядком поднадоело ТВ (из-за новых стандартов, поставивших во главу угла официальную информацию, а не творчество), и когда в 2008 году

тогдашний директор музея-заповедника Л.В. Коротаяева попросила подсказать кандидатуру на вакансию завфилиалом «Вологодской ссылки», я назвал... себя. А что? Как говорится, я «в теме», материал знаю, сталинские деяния – через Шаламова – тоже, остальному подучусь. На том и порешили. Музей в самом деле очень интересен и без Сталина: история вологодской ссылки как история «кандального транзита», по словам Шаламова, идет из глубины веков, еще от протопопа Аввакума и ранее. А за XIX и XX века через Вологодскую губернию прошло около 10 тысяч ссылных, в основном образованные люди, интеллигенция. И какие имена! О Бердяеве и «Северных Афинах» мы уже говорили. Но Сталина (как и Молотова, который тоже был здесь) никак не объедешь, и правильно, что в экспозиции ему отведено немалое место, в том числе комнатка с восковой фигурой. А поскольку сюда всегда тянулись и тянутся не только сталинисты и члены КПРФ, но и либералы, и масса просто интересующихся историей людей, то моя деятельность как экскурсовода неизбежно требовала особого подхода к каждой аудитории. Объективные факты о деятельности Сталина, в том числе о его заслугах, хотя и с оговорками, в Победе в Великой Отечественной войне, я никогда не обходил, а о его преступлениях говорил тем более прямо и открыто. В качестве доказательства последних обычно приводил простые, но очень красноречивые факты: в 1937–1938 гг. было арестовано (главным образом, по ложным обвинениям) около 1,5 миллиона человек, из них почти 700 тысяч – расстреляно [3]¹. Позже это было названо «большим террором», «большой чисткой», «нарушением соцзащитности» и пр., но цифры-то чудовищные, и большинство людей погибло безвинно! Лучше и объективнее Шаламова об этой страшной эпохе никто не написал. А что касается оговорок о роли Сталина в Победе, я обычно приводил (и повторяю ныне при всяком подобающем случае) такую гипотезу. Известно, что Москву в 1941-м году спасли 30 сибирских дивизий. А 700 тысяч расстрелянных (на 99 процентов – мужчин призывного возраста, в том числе выдающихся маршалов, генералов и офицеров) – это 70 дивизий, которые бы не только спасли Москву, но и, вероятно, перевернули бы весь ход Великой Отечественной войны...

О спектакле. Да, был такой спектакль-трагифарс «В гостях у Джугашвили» («с шашлыками, лезгинкой и проч.»), как было объявлено в афише), сценарий которого я придумал, откликаясь на новые тенденции по развитию «интерактива» в музейной работе. Спектакль шел дважды весной 2009 года на открытом воздухе во дворе «сталинского домика». Очень помог художественный руководитель драмтеатра Зураб Нанобашвили, с которым мы дружили: он дал костюмы и увлек идеей артистов. Все они были и моими друзьями, и мы с энтузиазмом поработали. Зрители были очень довольны. Мои коллеги с ТВ помогли сделать

¹ По количеству расстрелянных в этот период В.Н. Земсков берет за основу данные МВД СССР из секретного доклада Н.С. Хрущеву в 1954 г. – 635 тыс. человек, впоследствии частично дополненные в сторону увеличения. По данным международного «Мемориала» (основанным на более детальном исследовании материалов архива ФСБ), эта цифра составляет 724 тыс. человек. См. [6].

видеозапись, и сейчас это представление выложено в сети (<https://www.youtube.com/watch?v=a5318HoFG2c>). Надеюсь, что и новым зрителям понравится, и они не оспорят его девиз – слова К. Маркса о том, что «человечество, смеясь, расстается со своим прошлым».

Л. Е. Обратимся к диссертации? «Диалог “художник и власть” как инновационный ресурс культуры». Комплексное исследование, помимо предшествовавшей жизни, заняло 6 лет. Защита состоялась 25 апреля 2007 года. К тому моменту были опубликованы статьи в научных журналах «Вопросы истории», «Вопросы литературы», «Отечественная история», «Свободная мысль» и др. Автореферат дан в приложении книги «О Шаламове и не только» [2]. Хороша формулировка сложности и специфики объекта исследования, «охватывающего широкий диапазон вопросов в параметрах “политика – поэтика”» [2, с. 481]. Как для литературоведа, для меня особенно важно стремление к пониманию всей сложности и многомерности художественного мира Шаламова, его эстетического новаторства «в том высоком смысле, который вкладывал в это слово Ю.Н. Тынянов, называвший литературу “жесточкой борьбой за новое зрение”» [2, с. 498].

В. Е. Это относится как раз к внутренней биографии, которая развивалась помимо всякой публичной деятельности и не афишировалась, тем более на службе в ТВ, где я тогда, в 2004–2006 гг., работал. В написание диссертации меня вовлек московский искусствовед Е.С. Громов, автор одного из предисловий к произведениям Шаламова, приезжавший в Вологду на конференцию. «Только не пишите об одном Шаламове, у нас в институте не принято посвящать темы конкретным персоналиям – разверните во что-нибудь общее, концептуальное», – говорил он.

Я долго думал, стоит ли ввязываться мне, в мои совсем не молодые годы, в эту «эпопею» (которая в итоге таковой и оказалась). Но поскольку наука мне всегда была не чужда, – «почему нет?», подумал я и, в конце концов, решился.

Тема родилась сама собой, исходя из времени, в котором работал Шаламов как писатель: если брать 1960-е годы, то тут никак не обойти и А. Солженицына, и А. Твардовского, а все трое вместе образуют весьма интересную конфигурацию, которую можно рассмотреть с точки зрения разных наук – философии, социологии, литературы, культурологии. А если обратиться к предшествующим эпохам, к XVIII и XIX векам, то можно обнаружить своего рода традицию, некий самовозобновляющийся механизм русской культуры.

Первоначально тема обозначалась так: «К типологии отношений “художник и власть” (на материале русской литературы 60-х гг. XX в.)», и основными персоналиями стали Твардовский, Солженицын, Шаламов. Предварительный текст диссертации я послал Е.С. Громову, он в принципе одобрил. Пока мы утрясли детали, случилась беда – Е.С. Громов (он был моим научным руководителем) умер. Было это в 2005 г., и я остался один на один с тем учреждением, которое он представлял и к которому я был прикреплен как соискатель, – московским Государственным институтом искусствознания.

Надо заметить, что к этому учреждению я относился с особым почтением – с той поры, когда впер-

вые побывал в его уютных залах в 1997 г., во время проведения здесь международной шаламовской конференции, и когда на ее открытии выступал директор института, авторитетнейший специалист по древнерусскому искусству А.И. Комеч. Оказалось, что он неравнодушен к Шаламову, что отметила И.П. Сиротинская, организовавшая эту конференцию. Но в 2006 г., когда развернулись основные события моей «эпопеи», А.И. Комеч уже был тяжело болен – он потратил слишком много сил и нервов в борьбе с тогдашним московским мэром Ю. Лужковым, насаждавшим в столице «новый архитектурный стиль».

Должен поблагодарить тех людей в ГИИ, кто продолжал оказывать мне поддержку и кто в итоге вывел меня на этап т.н. «предзащиты», состоявшейся в начале февраля 2006 г. Разумеется, я предполагал, что эта «генеральная репетиция» защиты диссертации, т.е. критического обсуждения автореферата специалистами института, может доставить мне немало неприятностей. Не стану приводить конкретных отзывов конкретных участников обсуждения (хотя их рецензии у меня есть), но ситуация очень напоминала «избиение младенца» (а мне тогда исполнилось уже 56 лет). «Избивали» не за «слабую теоретическую разработку проблемы», не за «недостаточно высокий научный уровень» или «неполную библиографию» (таких претензий даже не высказывалось) – а за то, что, нарушив некое «табу», посмел критически проанализировать творчество и деятельность Солженицына.

Думается, вместо деталей неудавшейся «предзащиты» проще привести фрагменты электронного письма, которое мне прислал вскоре один из моих доброжелателей в ГИИ (его фамилии я не называю, как не называю и фамилии его непосредственного руководителя, на которого он ссылается – обозначу того «А»):

«Дорогой Валерий Васильевич! Увы, должен Вас огорчить: А. вчера прочел Ваш автореферат, а сегодня сказал мне, что он почти уверен, что в таком виде диссертация через наш Ученый совет не пройдет. И причина того, что большинство членов Ученого совета почти наверняка проголосуют против, – все та же: Ваше изложение истории жизни и творчества Солженицына воспринимается даже при чтении автореферата, где все критические формулировки смягчены (благодаря усилиям Б.), как его охаивание. При этом никто не пожелает обратить внимание на то, что это – беспристрастный разбор направления его творчества, сделанный только с целью обрисовки определенного типа взаимоотношений художника и власти, ради чего, собственно, и затевалась вся диссертация. Все это мгновенно забывается, когда читающий добирается при чтении автореферата до главы о Солженицыне. Причем А. добавил, что, с его личной точки зрения, положение усугубляется еще и тем обстоятельством, что, в отличие от двух других персонажей, Солженицын жив, и говорить о нем в круто негативных тонах, как о человеке, занимавшемся провокационной и деструктивной деятельностью, в культурологическом исследовании недопустимо...

При всем том А. считает, что в целом-то работа действительно стоящая, т.е. это хорошо продуманное культурологическое исследование, которое в принци-

пе могло быть защищено как кандидатская диссертация. Однако теперь, когда о ней уже распушены по нашему институту слухи как о работе, охаивающей Солженицына, сделать это будет невозможно. Более того, поскольку известный Вам теперь Б. еще и член ВАКа, то даже если диссертация с минимальным перевесом голосов будет все-таки защищена, у нее будет минимальное количество шансов быть там утвержденной...

Что особенно грустно нам, Вам придется искать другой ученый совет для защиты... Попробуйте другой путь, и искренне желаем удачи.

Странное дело, но я тогда не слишком грустил. Было даже немного весело – от фразы о «распушенных по институту слухах».

Над «другим путем», признаться, сразу и не задумался. Лишь позже пришло в голову: а почему нет? Есть же другие институты со своими Учеными советами. И другие города. Например, Ленинград – Санкт-Петербург, где я когда-то учился.

Не буду долго рассказывать, каким путем я выбрал Гуманитарный университет профсоюзов в Санкт-Петербурге. Отчасти повлияло то, что в этом университете училась тогда моя дочь Юлия. «Стучаться» в другой университет, государственный, на Васильевском острове, где учился сам, почему-то не захотелось. А «профсоюзный» сам по себе означает – более свободный, не догматизированный. Именно такой стиль утвердил в ГУПе его новый ректор А.С. Запесоцкий, о котором я был наслышан. И пройдя в первый раз по легендарной аллее этого вуза, с бюстами Д.С. Лихачева и других корифеев науки и культуры, понял, что не ошибся с выбором.

Короче говоря, в этом университете через год я спокойно, без каких-либо препон и проволочек, защитил свою диссертацию. Тему мы с новым научным руководителем А.П. Марковым немного скорректировали, ввели современную терминологию («инновация» и др.), я немного переделал введение, но ничего в части, касающейся Солженицына, менять не стал, т.к. считал, что это строгий научный анализ, а отнюдь не «охаивание».

В этом отношении меня поддержали и оппоненты, и все участники обсуждения на диссертационном совете, о которых вспоминаю с большой теплотой: доктора наук Ю.М. Шор, Г.М. Бирженюк, Т.Е. Шехтер и другие. В итоге за присуждение мне ученой степени кандидата культурологии проголосовали все 14 членов совета. Могу привести свое заключительное слово на защите: «Хочу поблагодарить диссертационный совет и всех коллег за доброжелательность, за содержательную дискуссию по моей диссертации. У этой работы была непростая судьба, и я рад, что здесь, в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, я нашел понимание и поддержку. Мне было чрезвычайно лестно получить положительную оценку своей работы в столь уважаемом вузе, который осенен вниманием великого русского культуролога, академика Д.С. Лихачева и сохраняет его высокие этические заветы в области науки и образования».

Остается добавить, что на основе диссертации мной была написана книга «Варлам Шаламов и его современники», изданная в Вологде дважды, в 2007 и

2008 г. Она и послужила потом научной основой для написания биографии Шаламова в серии «Жизнь замечательных людей».

Л. Е. «Шаламова» в «ЖЗЛ» мне бы хотелось обсудить отдельно; быть может, предложить высказаться ряду специалистов. Почему направление исследования, связанное с Солженицыным, является принципиальным для Вас?

В. Е. Принципиальна последовательность. Именно: последовательная научная и просветительская работа по развеиванию огромного литературного мифа, связанного с личностью и деятельностью автора «Архипелага ГУЛАГ». К сожалению, этот миф оказался крайне живучим, что ярко показывает вышеприведенная история с моей защитой. Культ вокруг Солженицына был создан московской либеральной интеллигенцией еще в 1960-е годы, и это стало ярким проявлением ее «шатаний» и «идолопоклонства», издавна свойственного нашей интеллигенции. Никак не претендую на «лавы» первооткрывателя этой темы – о культе Солженицына, во многом подогревавшемся самим писателем, его особой литературной стратегией и тактикой, основанной на PR с привлечением мирового общественного мнения, в ярких сатирических красках писал, например, В. Войнович («Москва 2042», «Портрет на фоне мифа»). Я же основывался на других, мало известных широкому читателю фактах биографии Солженицына, запечатленных, в частности, в его нарциссической и саморазоблачительной книге «Бодался теленок с дубом». Весьма критично заставили взглянуть на личность автора «Ивана Денисовича» и дневники А.Т. Твардовского, А.И. Кондратовича, В.Я. Лакшина, но более всего – записные книжки В.Т. Шаламова, впервые опубликованные И.П. Сиротинской в 1995 г. На них я и опирался в своей диссертации, делая вывод о литературно-политической деятельности Солженицына как деструктивной, способствовавшей «разрухе в головах» многих наших сограждан и прежде всего интеллигенции. К сожалению, этот процесс резко усилился в 1990-е годы, когда началась, по остроумному и горькому выражению М.В. Розановой, «солженизация всей страны»². Тут уже пошло, в буквальном смысле, насаждение произведений писателя и его идеологии на всю страну. Апофеозом в этом смысле стал 2008 год, когда было принято решение включить «Архипелаг ГУЛАГ» в школьную программу по литературе. К счастью, этого не произошло, т.к. запротестовала общественность, в том числе педагогическая. Например, опросы школьных учителей в Рязанской области (где когда-то жил и работал Солженицын) привели к таким выводам: ««Архипелаг ГУЛАГ» не имеет отношения к литературе, это публицистика; с идеологической точки зрения произведение небезукоризненно;

² Эта фраза, обыгрывающая лозунги «электрификации», «химизации» и т.п., была высказана М.В. Розановой, женой А.Д. Свияжского и соредктором журнала «Синтаксис» (Париж), на одном из круглых столов в 1990 г. и дословно звучала так: «Вас ожидает солженизация всей страны. И как вы с этим справитесь, вы, все вместе взятые, вы, тело, от которого мы чуть-чуть отделились, мы не знаем. И мы возвращаемся к тем же сюжетам, потому что ваша будущая боль – это наша вчерашняя боль, мы это все уже пережили» [9].

в нем тенденциозно, односторонне трактуется драматическая и героическая советская эпоха» [5].

«Архипелаг ГУЛАГ» оказал беспрецедентное воздействие на общественное сознание во всем мире. Между тем к этой книге может быть предъявлено множество претензий не только по части достоверности изложенных в ней фактов и статистических данных, но и по общему концептуальному посылу, крайне тенденциозному, рассчитанному на поддержку Запада. Недаром Шаламов называл Солженицына «орудием холодной войны», «дельцом» и «авантюристом». Обо всем этом подробно рассказано в большом коллективном сборнике «Книга, обманувшая мир», выпущенном в 2018 г. в Москве [4].

Л. Е. Идея этого полемического сборника принадлежит Вам?

В. Е. Да, и идея, и название, и составительско-редакторская работа, и ряд статей, и предисловие «Лучше поздно, чем никогда», в котором ясно заявлено, что и запоздалое, но честное признание ошибочности былых увлечений и заблуждений имеет высокую цену. Надо же, в конце концов, вести прямую полемику, а не ограничиваться размытыми «дипломатическими» экивоками. Вопрос об «Архипелаге», по моему убеждению, сохраняет самую горячую актуальность в современной России, ибо он напрямую связан со всем комплексом острейших проблем осмысления истории страны в XX веке, во взглядах на которые в нашем обществе существует до сих пор глубокий, ничуть не смягчающийся социокультурный раскол. Преодолению этого раскола, на мой взгляд, и служит сборник.

В 2018 году в Барселоне я сделал доклад «Шаламов и Солженицын: арьергардные бои за читателя» и представил вышедший тогда сборник «Книга, обманувшая мир». Кого-то он немного шокировал, но вызвал большой интерес.

Недавно сборник издан в Швеции – на шведском языке.

Л. Е. Поздравляю. Расскажите подробнее.

В. Е. Книга вышла в Стокгольме, в известном издательстве «Karneval förlag». Сборник немного сокращен, но все тексты со всей их полемической остротой оставлены без изменений. Я поблагодарил издателя Бьорна Эклунда за это неординарное, смелое решение. Он ответил: «Я опубликовал книгу, потому что нашел ее очень интересной и хотел, чтобы о ней узнали в стране, где присуждается Нобелевская премия». Мне нравится такой вполне плюралистичный подход. (Замечу, что российское издание было сопряжено с большими трудностями: в целом ряде московских издательств мне отказали, и только одно, «Летний сад», решилось, за что я им очень благодарен.) Сейчас в шведской прессе развернулась дискуссия об этом сборнике. Это естественно, поскольку шведское (и вообще западное) восприятие Солженицына и его книг сильно отличается от российского. Но надеюсь, что некоторые стереотипы все же удастся преодолеть.

Л. Е. Будем наблюдать развитие событий.

Объект исследования, мне представляется, влияет на нашу личность?

В. Е. Без занятий Шаламовым я бы, наверное, не сформировался (или недосформировался) как исследов

дователь и как личность. Великий писатель, он всегда заставляет расти, повышать планку возможностей, а главное – повышать ответственность за свои дела и поступки.

Л. Е. Позвольте еще спросить об Ирине Павловне Сиротинской. Я читала ее книгу «Мой друг Варлам Шаламов» [7]. Ей удалось запечатлеть многогранность героя, себя – в молодости и зрелости, зафиксировать специфику своего письма: «Конечно, я тоже не идеальный мемуарист. Одно достоинство – я не вру, но я умалчиваю о многом. О чем? О том, что глубоко личное и мое, и В. Т.» [7, с. 150]. Вы напишете об Ирине Павловне? Я обратила внимание на ее надпись на книге: «Валерию Есипову – другу и соратнику. И. Сиротинская. 24.12.06».

В. Е. О глубоко личном совсем не обязательно знать всякому постороннему, в этом Ирина Павловна совершенно права. История ее любви с Варламом Тихоновичем – не для праздного любопытства. Это драматическая, даже трагическая история, ведь к моменту их знакомства в 1966 году Ирина Павловна была замужем и имела троих детей. А он был старше ее на двадцать пять лет – почти те самые годы, что провел в лагерях, и это не могло не отложиться на его характере, не говоря уже о здоровье. И он, и она понимали, что никакой перспективы у их отношений (в виде брака) – нет. И тем не менее они держались друг за друга. «Ты подарила мне лучшие годы жизни», – писал Сиротинской Шаламов. Он завещал ей свое литературное наследие, которое она сохранила и с огромными усилиями подготовила и издала шесть томов собрания сочинений. Поэтому она имела полное право писать: «Я отдала тебе жизнь, мой великий и добрый друг». Фантазировать, выдумывать что-либо об истории этой любви просто кощунственно, и такой цели я иметь не могу. Но добавить новые документальные материалы к тому, что изложено в воспоминаниях Сиротинской и в ее переписке с Шаламовым, – можно и нужно. Сохранились обширные дневниковые записи и заметки Ирины Павловны, которые она завещала вскрыть в 2020 году. Сейчас идет работа над подготовкой и комментированием всего этого материала. Уверен, что новое, значительно дополненное издание воспоминаний И.П. Сиротинской будет интереснее многих «любовных» романов.

Л. Е. Мне запомнилась Ваша статья «Ее называли Беатриче (памяти И.П. Сиротинской)», открывающая книгу «О Шаламове и не только» [2]. Приятно читать о великодушии итальянцев, сопоставляющих Шаламова с Данте («не только потому, что он прошел действительные круги ада, но и потому, что видит в нем потрясающего своей новизной художника – поэта

прежде всего» [2, с. 9]), Ирину Павловну – с музой Данте («Так и показывают на улице: “Смотрите, Беатриче идет!” – солнечно улыбаясь, рассказывала она» [2, с. 9]). Вам удался показ ее хрупкости, внешней мягкости и – твердости, непреклонности, когда дело касалось принципов.

И, если можно, последний вопрос. Чем занимают Ваши дети?

В. Е. У меня выросли прекрасные дети, хотя специально их воспитанием я не занимался (не хватало времени, да и зачем?). Я предоставлял им полную свободу – за что они меня теперь и благодарят. Мне кажется, что у всех из них развито чувство ответственности, это главное. Старшая дочь Анастасия работает на серьезной должности в страховой компании. Средняя дочь Юлия – хореограф, руководит детской студией «Юла». Младший сын Виталий долго искал себя, но сейчас нашел – он работает в сфере IT в Петербурге. У меня пять внуков и уже есть две правнучки. Могу твердо сказать: я счастливый человек. Сделал, оказывается, немало. Значит, жизнь и судьба уже состоялась. Но остается еще много важной работы, которую за меня никто не сделает...

Литература

1. Бердяев, Н. А. Самопознание: избранное / Н. А. Бердяев. – Москва : Мир книги ; Литература, 2006. – 416 с.
2. Есипов, В. В. О Шаламове и не только : статьи и исследования / В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2020. – 508 с.
3. Земсков, В. Н. Политические репрессии в СССР : реальные масштабы и спекулятивные построения / В. Н. Земсков. – Текст электронный // Политическое просвещение. – 2013. – № 6. – URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=2816> (дата обращения; 10.03.2021).
4. Книга, обманувшая мир : сборник критических статей и материалов об «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2018. – 520 с.
5. Лазарев, Ю. В. Изучение А. И. Солженицына в школе в контексте проблем современного литературного образования (по материалам полемики в средствах массовой информации) / Ю. В. Лазарев. – Текст : электронный // Вестник Рязанского госуниверситета им С. Есенина. – 2011. – Вып. 32. / Cyberleninka.ru : сайт. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-a-i-solzhenitsyna-v-shkole-v-kontekste-problem-sovremennogo-literaturnogo-obrazovaniya-po-materialam-polemiki-v-sredstvakh-massovoy-informatsii> (дата обращения; 20.12.2020).
6. Охотин, Н. Г. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника / Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. – Текст : электронный // Газета «30 октября». – 2007. – № 74. – URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (дата обращения; 10.03.2021).
7. Сиротинская, И. П. Мой друг Варлам Шаламов / И. П. Сиротинская. – Москва : ООО ПКФ «Алана», 2006. – 200 с.
8. Чехов, А. П. Из письма Н. И. Орлову 22 февраля 1899 г. / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Собрание сочинений. В 12 томах. Том 12. – Москва : Художественная литература, 1964. – С. 274.
9. Эмиграция: «Капля крови, взятая на анализ»? : беседа в редакции с авторами и издателями журналов русского зарубежья // Иностранная литература. – 1990. – № 7. – С. 224.
10. Якушева, Л. А. Валерий Есипов и его книги / Л. А. Якушева // Якушева, Л. А. Фон и фигура : провинциальные сюжеты : монография. – Вологда : ВоГУ, 2019. – С. 23–26.

V.V. Esipov, L.V. Egorova

VALERY ESIPOV: EXTERIOR AND INTERNAL BIOGRAPHY (conclusion)

Continuation of the conversation with Valery Esipov, the author of numerous articles and books, including *Varlam Shalamov and His Contemporaries* (2007), *Shalamov* in the *Lives of Remarkable People* series (2012, 2019), *About Shalamov and Not Him Alone: articles and other studies* (2020), the editor of two volumes of Shalamov's poetry (2020). Valery Esipov's life and research are under consideration, as well as cultural life in Vologda. The latest Swedish edition of the collection *The Book that Deceived the World* is also discussed.

V. Esipov, V. Shalamov, Vologda, A. Solzhenitsyn, *The Book that Deceived the World*.